

Энтони Гидденс

СУДЬБА, РИСК И БЕЗОПАСНОСТЬ

*Anthony Giddens. Fate, Risk and Security.
In: A. Giddens. Modernity and Self-Identity:
Self and Society in the Late Modern Age.
Cambridge: Polity Press, 1991, p.109–143.
© Polity Press, 1991
Перевод к.ф.н. С.П.Баньковской*

СУДЬБА, ФАТАЛИЗМ, РОКОВЫЕ МОМЕНТЫ

Жить в эпоху "поздней современности" (late modernity) значит жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории. Року и судьбе не отведено никакой формальной роли в этой системе, основанной, в принципе, на том, что я называю открытым человеческим контролем над природным и социальным мирами. Весь мир будущих событий открыт для преобразования людьми – в тех пределах, которые, насколько это возможно, устанавливаются в результате оценки риска. Тем не менее понятия рока и судьбы не исчезают полностью из жизни современного общества, и исследование их природы имеет определенный смысл для анализа категорий современности и самоидентичности.

Сколь общим ни покажется это утверждение, с известной уверенностью можно утверждать, что не существовало ни одной досовременной культуры, для которой понятия рока и судьбы не являлись бы центральными компонентами ее философии. Мир представлялся не как беспорядочный водоворот событий, упорядочиваемый лишь действием законов природы и людей, но как нечто, обладающее внутренней формой, сопрягающей индивидуальную жизнь с космическими событиями. Судьба человека – направление, в котором должна протекать его жизнь, – предопределена его роком, который уготован будущим. И хотя вокруг этих двух понятий можно сгруппировать огромное множество верований, в большинстве из них связующим звеном между судьбой и роком выступает смерть. У древних греков рок (*мойра*) нес с собой гибель и смерть, представлялся всесильным и более древним, чем самые старшие боги (Greene, 1984).

Учитывая природу современной социальной жизни и культуры, мы стремимся теперь противопоставить рок открытости предстоящих в будущем событий. Под роком подразумевается форма детерминистской предопределенности, которой противостоит современное мировоззрение. И все же, хотя понятие рока и предполагает частично определенное будущее, обычно оно включает еще и моральное понятие судьбы и эзотерический взгляд на повседневные события, причем "эзотерический" здесь означает, что события переживаются не с точки зре-

ния их причинных взаимосвязей, но с точки зрения их космического смысла. Рок в таком понимании имеет мало общего с *фатализмом* в его обычной современной трактовке. Фатализм – это отрицание современности, отказ от установки на контроль будущего в пользу ориентации на произвольное течение событий.

Основным связующим звеном между более ранними идеями рока и идеями, бытовавшими после средневековья, было понятие *фортуны*, произведенное от имени древнеримской богини удачи и оказавшееся в напряженных отношениях с господствующими христианскими верованиями. Идея божественного провидения была не чем иным, как вариантом рока, но, как отмечал Макс Вебер, христианство отводило человеку более динамичную роль на этом свете, чем это было принято в традиционных религиях Греции и Рима (Weber, 1963). Церковь с неодобрением относилась к этой богине, поскольку идея фортуны предполагала, что можно достичь благодати, не трудясь в качестве орудия Божьей воли. Все же идея фортуны, как особенность локальных культурных традиций, оставалась важной и зачастую перевешивала провиденциальное вознаграждение в загробной жизни. "*Фортуна*" у Макиавелли обозначила отход от традиционного употребления этого понятия и появление новых способов социальной активности, исключаящих рок. В "Государе" он говорит: "Я знаю, сколь часто утверждалось раньше и утверждается ныне, что во всем мире правят судьба и Бог, люди же с их разумением ничего не определяют и даже ничему не могут противостоять; отсюда делается вывод, что незачем утруждать себя заботами, а лучше примириться со своим жребием... Я предполагаю, что, может быть, судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям... Что же касается, в частности, государей, то нам приходится видеть, как некоторые из них, еще вчера благоденствовавшие, сегодня лишаются власти, хотя, как кажется, не изменился ни весь склад их характера, ни какое-либо отдельное их свойство... Если государь всецело полагается на судьбу, он не может выстоять против ее ударов. Я думаю также, что сохраняют благополучие те, чей образ действий отвечает особенностям времени, и утрачивают благополучие те, чей образ действий не отвечает своему времени" (Макиавелли, 1982, с. 372–374).

Не удивительно, что понятие рока трансформировалось прежде всего в области изучения политики, ибо, хотя государственная пропаганда и видела направляющую силу рока в особой судьбе государства, политическая практика – в ее современном контексте – предполагает искусство угадывания. Размышления о том, как может обернуться дело, если придерживаться данного образа действий, взвешенная оценка всех альтернатив и составляет сущность политического суждения. Макиавелли прославился как творец современной политической стратегии, но в его работах есть ростки и гораздо более фундаментальных новаций. Он предвосхищает появление мира, в котором риск и расчет риска отгесняют фортуны практически во всех областях человеческой деятельности. Во времена Макиавелли, видимо, все же не было общего

понятия для обозначения риска; оно появилось в европейской мысли примерно столетие спустя¹.

Понятие риска становится центральным в обществе, которое прощается с прошлым, с традиционными способами деятельности, которое открывается для неизведанного будущего. Это утверждение относится в равной мере как к риску в институционализированной среде, так и в других сферах. Страхование – один из основных элементов экономического порядка в современном мире; это часть более общего явления, связанного с контролем времени, которое я назвал бы *колонизацией будущего*. "Открытость" еще не произошедших событий отражает податливость социального мира и способность людей формировать физическую среду своего существования. Поскольку признается, что будущее, в сущности, непостижимо и оно все резче отделяется от прошлого, это будущее становится новым поприщем – пространством контрфактических возможностей. Будучи однажды определена таким образом, эта область открывается для колониального вторжения, опирающегося на контрфактическое мышление и исчисление риска. Исчисление риска, как я уже отмечал, никогда не может быть полным, поскольку даже в среде с относительно ограниченным уровнем риска всегда существует возможность неожиданных и непредвиденных исходов. В среде, где больше нет рока, любая деятельность, даже строго увязанная с установленными образцами, в принципе исчисляется в понятиях риска, т.е. поддается своего рода общей оценке степени ее рискованности с точки зрения возможных результатов. Вторжение абстрактных систем в повседневную жизнь вкупе с динамичной природой знания означает, что осознание риска проникает в деятельность практически каждого человека.

К более развернутому обсуждению проблемы риска и его отношения к самоидентичности мы теперь и перейдем, но прежде необходимо ввести еще пару понятий, связанных с понятием судьбы. Прежде всего, следует подробнее остановиться на фатализме, понятии, в большей мере соотносящемся с современной социальной жизнью, нежели с традиционными культурами. Фаталистический взгляд на мир – это безропотное принятие хода вещей таким, каков он есть. Это мировоззрение, порожденное присутствием современности установками, хотя и противостоящее им.

Фатализм следует отличать от чувства *роковой предопределенности* событий. Роковые события или обстоятельства – те, что особенно значимы для индивида или для группы (Goffman, 1972). Они включают нежелательные исходы, сопряженные с тем, что я называю риском событий со значительными последствиями (*high-consequence risk*) – потенциально угрожающих жизни большого количества людей. Они существуют также и на уровне индивида. *В роковые моменты* индивиды

¹ В английском языке до XIX в. это слово обычно употреблялось на французский манер – *risqué*. Некоторое время французский вариант имел хождение наравне с англоязычным словом, которое использовалось, прежде всего, в связи со страхованием. Термин *risqué*, означающий шутку сомнительного свойства, все еще сохраняет старый смысл. См. Nдгерstrand, 1985; Nowotny, 1989, ch.2.

должны принимать решения, особо важные для своих устремлений или, обобщая, – для своей жизни в целом. Роковые моменты глубоко значимы для судьбы человека.

Роковые моменты можно толковать в понятиях общих характеристик значимой деятельности, осуществляемой индивидами повседневно и на протяжении всей жизни. Большая часть обыденной жизни, если речь идет об индивиде, не значима и не играет роковой роли с точки зрения достижения конечных целей. Однако некоторые направления деятельности обычно воспринимаются личностью как более значимые, чем остальные, – такова деятельность в сфере труда. Возьмем феномен "мертвого" или "убитого" времени, блестяще проанализированный Гофманом (Goffman, 1972). Любопытно, что время, которое нужно убить, зачастую называют "свободным"; это время, заполняющее промежутки между более значимыми отрезками жизни. Если у женщины есть полчаса между двумя свиданиями, она решит, скорее, провести это время за чтением газеты или бесцельно слоняясь, нежели употребить его "с пользой". Убитое время отрезано от остальной жизни человека и не имеет для нее никакого значения (если не случается нечто непредвиденное).

Напротив, очень большая часть значимой деятельности является обыденной, рутинной. Повседневная активность (в формальной или неформальной сферах общественной жизни) не составляет проблемы, разве только в смысле выполнения связанных с нею обычных задач. Другими словами, можно часто принимать трудные решения, но для этого существуют уже готовые стратегии, являющиеся составной частью данной деятельности. Иногда, однако, возникают особые ситуации или эпизоды, которые могут быть одновременно и значимыми, и проблематичными: именно такие эпизоды и составляют роковые моменты. Роковые моменты – это время, когда обстоятельства сходятся таким образом, что человек оказывается как бы на перепутье своего существования, или когда человек узнает нечто, имеющее для него судьбоносное значение². Роковые моменты – это, например, принятие решения о вступлении в брак и сама свадебная церемония, а затем, возможно, и принятие решения развестись и расставание. Другие примеры: экзамены, выбор определенного занятия или учебного курса, участие в забастовке, смена работы, получение результата медицинского обследования, крупный проигрыш в азартной игре или крупный выигрыш в лотерее. Зачастую роковые моменты являются следствием событий, которые происходят в жизни человека сами собой; но такие моменты столь же часто создаются самим человеком, например когда он собирает все свои сбережения и вкладывает в дело. Как и в жизни индивида, роковые моменты есть, конечно, и в истории сообществ. Это периоды, когда все выбивается из колеи, когда данное положение вещей внезапно изменяется под воздействием нескольких ключевых событий.

² Гофман не включает второе обстоятельство в рассмотрение роковой предопределенности, но с точки зрения индивида, пытающегося предугадать свою жизнь и рассчитывающего свои действия на будущее, получение судьбоносной информации – это большая удача.

Роковые моменты, или, вернее, та категория возможностей, которые индивид определяет как роковые, имеют особое отношение к риску. Это те моменты, когда *фортуна* бросает вызов, моменты, когда в более традиционной среде люди обращаются к оракулам или ищут расположения божественных сил. С приближением роковых моментов или при необходимости принимать роковые решения на помощь призываются эксперты. Обычно экспертиза фактически заключается в том, что какое-либо особое обстоятельство представляется как роковое, например в случае медицинского диагноза. Однако в относительно немногих ситуациях решения о выборе действий определяются лишь в результате экспертного заключения. Информация, основанная на абстрактных системах, может пригодиться при оценке риска, но подвергаться определенному риску приходится конкретному индивиду. Роковые решения, уже по своему определению, трудно принимать из-за характерного для них соединения значимого с проблематичным.

Роковые моменты грозят прорвать защитный кокон, обеспечивающий индивиду онтологическую безопасность, поскольку отношение типа "обычное дело", которое так важно для этого кокона, неизбежно разрушается. Это моменты, когда индивид должен пуститься в новое предприятие, зная при этом, что принимаемое решение или выбранный им специфический образ действия имеет необратимый характер или, по меньшей мере, что впоследствии его будет трудно повернуть вспять. Роковые моменты не означают с необходимостью большую вероятность того, что дела пойдут наперекосяк, т.е. речь не идет обязательно об обстоятельствах, обуславливающих большую вероятность неудачи. Степень значимости наказания за неправильное решение – вот что делает обстановку риска такой невыносимо трудной. Роковые моменты обнажают высокозначимый для индивида риск, сопоставимый и с риском, характерным для деятельности сообщества.

ПАРАМЕТРЫ РИСКА

Риск и попытки оценки риска настолько существенны для колонизации будущего, что его исследование может дать нам очень много в понимании основных элементов современности. Сюда относятся несколько факторов: уменьшение риска для жизни индивида, соответствующее большим зонам безопасности в повседневной жизни, колонизованных абстрактными системами; образование институционально ограниченной среды риска; контроль риска как ключевой аспект современной рефлексивности; риск возникновения событий со значительными последствиями как результат глобализации и противодействие всех названных факторов перепадам внутренне нестабильного "климата риска".

То внимание, которое уделяется риску в современной социальной жизни, не связано непосредственно с реальным усилением грозящих жизни опасностей. На уровне индивидуальной жизни, если речь идет о жизненных установках и степени свободы от тяжелых болезней, люди в развитых обществах находятся в более безопасном положении, чем в предшествующие столетия. В конце XVIII в. в Англии – наиболее экономически развитой стране того времени – смертоносные эпидемии, уносящие сотни тысяч жизней, были все еще обычным делом. Распро-

странение эндемических болезней не могло прекратиться, даже когда они уже не были непременно фатальными. Еще оставались причины для сетований на

"...усталость, жар, заботу, – то, чем жить
Должны мы здесь, где тщетен стон пустой,
Где немощь чахлая подстерегает нас,
Где привиденьем юность умирает..."

(Кумс, 1986, с.104).

Только с начала XX в. имеются достаточные статистические данные, позволяющие с относительной точностью зафиксировать изменения, повлиявшие на количество неблагоприятных для жизни исходов. Исследование, в котором за точку отсчета принимается 1907 г., показывает, что в это время новорожденные "вступали на минное поле", хотя уровень младенческой смертности был в то время значительно ниже, чем за сто лет до этого (Urquhart and Neilmann, 1984). Согласно данным за 1907 г., примерно 14% детей умирало на первом году жизни; в 1977 г., данные которого взяты за основу сравнения, эта цифра составила 1,5%. В приведенном ниже списке показаны некоторые наиболее существенные достижения периода 1907–1977 гг., снижающие риск, связанный со здоровьем (охватывается период жизни человека, которому в 1977 г. исполнилось 70 лет):

"Безопасная питьевая вода; канализация; гигиена приготовления пищи; пастеризованное молоко; замораживание; центральное отопление; широкое распространение научных основ питания; широкое распространение научных основ личной гигиены; искоренение основных паразитарных болезней, в том числе малярии; контроль над разносчиками инфекций – грызунами и насекомыми; постоянное совершенствование дородового и послеродового ухода; постоянное совершенствование ухода за младенцами и детьми; постоянное совершенствование лечения инфекционных заболеваний; постоянное совершенствование хирургического лечения; постоянное совершенствование анестезии и интенсивной терапии; широкое распространение научных принципов иммунизации; практическое применение переливания крови; организация в больницах подразделений интенсивной терапии; постоянное совершенствование и распространение диагностических процедур; постоянное совершенствование методов лечения рака; постоянное совершенствование методов лечения артритов; доступность и практическое применение методов планирования семьи; совершенствование и легализация методов прерывания беременности; широкое распространение методов охраны и безопасности труда; ремни безопасности в автомобилях; постоянное совершенствование методов профилактики стоматологических болезней, нарушений зрения и слуха; признание вредными для здоровья курения, ожирения, гипертонии, малоподвижного образа жизни" (Urquhart and Neilmann, 1984, p.12).

Нельзя сказать в целом, насколько каждое из перечисленных достижений повлияло на изменения, произошедшие с 1907 по 1977 г., ибо сполна ощутить воздействие каждого или многих из них смогут только последующие поколения. Кроме того, мы должны учесть, что на каждое

из этих снижающих риск достижений можно привести огромное множество негативных явлений. На протяжении жизни поколения 1907 г. рождения произошли две мировых войны, повлекшие массовое уничтожение жизней. В течение этого периода постепенно увеличивался риск гибели в автокатастрофах. С 1930-х по 1960-е годы это поколение потребляло много лекарств, по современным стандартам прошедших неадекватную для внедрения проверку. Это поколение выпило огромное количество алкоголя и выкурило миллионы сигарет, пока не было вполне установлено их токсичное воздействие. Резко возросло загрязнение окружающей среды, которое, как считают медики, увеличивает восприимчивость к разного рода болезням. Большую часть своей жизни родившиеся в 1907 г. ели пищу, содержащую различные химические соединения, что имело в лучшем случае неизвестные последствия для здоровья, а в худшем – способствовало продуцированию некоторых смертельных болезней.

Тем не менее в целом, с точки зрения безопасности жизни факторы, снижающие риск, все же значительно перевешивают воздействие новых рисков. Существуют различные способы условной оценки этого соотношения. Один из них – сопоставление гипотетической функции дожития для когорты 1907 г. с реальными коэффициентами дожития этой когорты. До двадцатилетнего возраста эти сопоставления выявляют наличие различий в показателях дожития. Но для старших возрастных категорий кривая фактического дожития начинает проходить выше кривой, полученной на основе гипотетических расчетов, и эта разница во времени становится все больше.

Можно также сравнить оценки ожидаемой продолжительности предстоящей жизни для возрастной когорты 1907 г. с аналогичными оценками, рассчитанными для поколения 1977 г. Это сравнение показывает существенные отличия, начиная с самого первого года жизни и до старости, в пользу когорты 1977 г. (хотя, конечно, мы не можем точно знать, с какими таящими угрозу для жизни рисками может столкнуться это поколение в последующие годы).

Риск затрагивает будущие события – поскольку соотносится с текущей деятельностью – и поэтому колонизация будущего создает новые формы риска, причем некоторые из них институционально организованы. Такие ситуации всегда имели место в относительно второстепенных контекстах, например в азартных играх, распространенных во многих культурах. Иногда в досовременных культурах встречались случаи организованной среды риска, которые не находят равнозначных институционализированных форм в современной социальной жизни. Так, Фирт описывает институционализированный тип попытки самоубийства в Тикопии (Firth, 1961). Здесь принято, чтобы недовольные жизнью люди выходили на каноэ в открытое море. Из-за коварства волн у человека всегда есть шанс не выстоять перед этим испытанием; его шанс выжить зависит также и от того, как скоро община заметит его отсутствие и отреагирует на него. И хотя это рискованное предприятие имеет некоторое сходство с риском попыток самоубийства в современных условиях, различие состоит в том, что в последних отсутствует элемент институционализации (Weiss, 1957).

Однако в целом институционально структурированная среда риска более заметно выражена в современных обществах, нежели в досовременных. Воздействию институционализированных систем риска подвержен практически каждый, независимо от того, является ли он "человеком этой системы"; наиболее яркий пример – конкурентные рынки товаров, рабочей силы, инвестиций. Различие между такими институционализированными системами и другими формами риска состоит в том, что в первом случае риск является, скорее, основой построения этих систем, нежели чем-то случайным для них. Институционализированная среда риска самыми разными способами связывает индивидуальный и коллективный риск – индивидуальные жизненные возможности, например, сегодня непосредственно связаны с глобальной капиталистической экономикой. Для нас здесь эта среда важна тем, насколько она может раскрыть способы колонизации будущего.

Возьмем для примера фондовую биржу. Это регулируемый рынок, предоставляющий совокупность ценных бумаг (само по себе интересное понятие), которые заемщики выпускают, а вкладчики держат. Тем самым создается выбор способов структурирования риска с обеих сторон – вкладчиков и заемщиков – в их стремлении достичь денежной прибыли. Это также влияет и на оценку ценных бумаг в зависимости от ожидаемых процентов по ним с учетом риска инвесторов (Moore, 1983, p.104ff.). У вкладчиков и заемщиков есть множество различных финансовых целей. Одни вкладчики стремятся к долгосрочному увеличению своих сбережений, другие ищут более краткосрочной отдачи и готовы рискнуть своим капиталом ради этой цели. Заемщики обычно хотят получить деньги на длительный срок, но здесь существует определенный риск для кредиторов. На фондовой бирже инвесторы могут выбирать из множества видов риска и способов застраховаться от них, тогда как заемщики стремятся согласовать условия получения капитала с риском той хозяйственной деятельности, в которую собираются вложить этот капитал. Фондовая биржа – это область теоретически утонченной рефлексивности, явление, которое непосредственно воздействует на саму природу риска, связанного с вложением и займом. Как показывают исследования, текущее соотношение цен и прибыли вряд ли может служить хорошим показателем будущего роста прибыли и дивидендов. В некоторых теориях инвестирования на фондовой бирже этот факт рассматривается как доказательство неспособности фондового рынка определить, какие компании наиболее эффективно используют ограниченные финансовые ресурсы, и исходя из этого задаются определенные стратегии риска. В других теориях утверждается, что стремление к удержанию прибыли от распределения по акциям в сочетании с некоторыми дополнительными факторами объясняет слабую связь между текущей величиной отношения цена/прибыль и будущими изменениями дивидендов и соответственно предлагаются совершенно иные стратегии. Мера рефлексивной сложности такой ситуации определяется тем, что сама политика удержания прибылей от распределения по акциям, проводимая компаниями, по всей видимости, зависит от приверженности той или иной теории (Brearley and Myers, 1981).

На фондовых биржах, как и в других средах институционализированного риска, риск активно используется для формирования "будущего", которое затем будет колонизировано. И участники [таких действий] прекрасно это понимают. Одна из самых ярких иллюстраций этого – такое специфическое явление, как фьючерсные рынки. Все сбережения и займы образуют возможные будущие миры посредством мобилизации риска. Но фьючерсные сделки непосредственно ставят на будущее, сохраняя плацдарм времени, который обеспечивает специфическую безопасность для определенного типа заемщиков.

Рефлексивное отслеживание риска свойственно прежде всего институционализированным системам риска. Для других форм риска оно имеет внешний характер, но это не уменьшает его фундаментальное значение для жизненных шансов и планирования жизни. Значительную часть того, над чем сегодня размышляют эксперты и о чем говорит общественность, составляет *профилирование риска* – анализ распределения риска в данной среде деятельности при текущем состоянии дел и знаний. Поскольку то, что называется "текущим", подвержено постоянному изменению, профили риска должны все время пересматриваться и обновляться.

Допустим, что то, "от чего мы умираем", представлено основными видами риска, связанными со смертностью (Urquhart and Neilmann, 1984, ch.4). Профилирование риска основных угрожающих жизни болезней показывает существенные различия в состоянии дел в развитых странах на рубеже веков и сегодня. К 1940 г. такие инфекционные заболевания, как туберкулез, нефрит и дифтерия, уже не входили в первую десятку причин смерти. После 1940 г. на первое и второе место переместились случаи смерти в результате сердечных болезней и рака, где они и остаются по сей день. Предполагается, что основная причина этого, – увеличение количества людей, доживающих до пятидесятилетнего и более старших возрастов; впрочем, это предположение подвергается сомнению теми, кто считает основной причиной факторы питания и окружающей среды. Следует учитывать, что понятия, используемые для определения основных причин смерти, существенно изменились с 1900 г. То, что в начале века имело общее название "внутричерепное повреждение сосудистого происхождения", стало называться "повреждение сосудов с воздействием на центральную нервную систему" в 60-е годы, а затем превратилось в "цереброваскулярные заболевания". Такие перемены – не просто причуды: они отражают изменения медицинских воззрений на эти патологии.

Считается, что около двух третей населения старше тридцатипятилетнего возраста в странах с высоким уровнем сердечно-сосудистых заболеваний, таких как Великобритания и Соединенные Штаты, в разной степени страдают от сужения коронарных артерий, хотя это сужение и не является достаточным для четкого проявления патологических симптомов или изменений в электрокардиограмме. Каждый год примерно у одного человека из восьмидесяти старше тридцати пяти лет бывает инфаркт, хотя лишь определенная доля их заканчивается смертельным исходом. Сердечные болезни чаще встречаются у мужчин, чем у женщин, хотя этот разрыв сокращается. В Соединенных Штатах и еще в одной или двух странах после многолетнего постепен-

ного роста уровень смертности от сердечно-сосудистых заболеваний начал снижаться. Сейчас много спорят о причинах этого явления: оно может быть связано с изменениями в питании, с усовершенствованием неотложной помощи, с тем, что стали меньше курить и регулярнее заниматься физическими упражнениями. Общеизвестно, что те или иные параметры стиля жизни сильно влияют на риск заработать сердечное заболевание. По этому вопросу есть достаточно сравнительных данных. Так, в Японии самый низкий из всех индустриально развитых стран уровень заболеваемости сердечно-сосудистой системы. Однако уровень заболеваемости у детей и внуков японских иммигрантов в Америке близок к американским, а не японским показателям. И все же еще не совсем ясно, какое значение имеет питание, по сравнению с другими аспектами образа жизни, для этиологии сердечных заболеваний. Франция, например, отличается низким уровнем смертности от этих заболеваний, хотя для французской диеты характерно высокое содержание вызывающих сердечно-сосудистые болезни веществ.

Рак сам по себе нельзя рассматривать как единую болезнь, по крайней мере в том, что связано с риском смерти. С начала века различные формы этого заболевания протекали по-разному. Так, начиная примерно с 1930-х годов, наблюдался постепенный рост уровня смертности от рака легких, который продолжался до конца 60-х годов, причиной чего послужил запаздывающий эффект роста популярности курения. А в то же время уровень смертности от некоторых других видов рака постепенно снижался. У специалистов нет единого мнения о причинах этого явления. Нет у них согласия и насчет того, какое значение для возникновения заболевания имеют питание и факторы окружающей среды.

Регулярное и детальное отслеживание рисков для здоровья с использованием информации наподобие вышеприведенной дает прекрасный пример не просто обыденного осознания внешнего риска, но взаимодействия между экспертными системами и непрофессиональным поведением в отношении риска. Медики и прочие исследователи поставляют материал, на основании которого составляются профили риска. Однако профили риска не остаются в исключительном ведении экспертов. Общественность знает о них, даже если зачастую они представлены в еще незаконченном, приблизительном виде; медики и другие специалисты действительно заинтересованы в том, чтобы результаты их работы были широко доступны для непрофессионалов. На образ жизни, которому следуют люди, во многом влияет восприятие этих результатов, хотя обычно и существуют классовые различия в изменении образцов поведения; здесь лидируют профессионалы и более образованные группы. Но и единодушное мнение экспертов (если таковое существует) может перемениться, даже если изменения в образе жизни, к которым они до этого призывали, были действительно приняты. Можно вспомнить, что некоторые специалисты-медики одно время защищали курение как успокаивающее средство, а употребление мяса с кровью, масла и сливок – как способствующее телесному здоровью.

По мере пересмотра теорий или отказа от них изменяются и медицинские понятия и термины. Более того, в каждый данный момент мнения медиков о факторах риска и этиологии основных угрожающих

здоровью опасностей существенно, а иногда и радикально расходятся. Даже относительно таких серьезных болезней, как коронарная болезнь сердца и рак, практикующие альтернативную медицину врачи, к которым сегодня ортодоксальные медики относятся гораздо более серьезно, чем раньше, оспаривают многие устоявшиеся положения. Оценка угрожающего здоровью риска во многом зависит от того, "кто прав" в этих спорах. И хотя профиль риска, определенный на какой-либо данный момент времени, выглядит объективным, его интерпретация для отдельного индивида или группы индивидов зависит от степени учета потенциальных изменений в образе жизни и от обоснованности предположений о возможности таких изменений. Может оказаться, что однажды установленный образ жизни (скажем, следование определенной диете) довольно трудно нарушить, поскольку он, вероятнее всего, увязан с другими аспектами поведения личности. Все эти соображения влияют на рефлексивное усвоение обывателями параметров риска, отфильтрованных абстрактными системами. Неудивительно, что, сталкиваясь с этой усложненностью, некоторые люди перестают доверять практически всем медикам и консультируются с ними только в моменты отчаяния, в другое время упрямо придерживаясь своих уже установившихся привычек.

В отличие от опасностей, угрожающих здоровью, риск событий со значительными последствиями (high-consequence risk) по своему определению не связан с индивидом непосредственно, хотя (опять же по определению) представляет непосредственную угрозу для жизненных шансов каждого индивида. Было бы явной ошибкой предполагать, что людям, живущим в современных социальных условиях, прежде всего следует бояться ужасных катастроф, способных уничтожить весь мир. Эсхатологические представления были характерны для средних веков, равно как и для других культур, представляющих мир преисполненным множеством опасностей. Но все же и опыт, и природа этих акцентирующих опасности представлений в некотором отношении совершенно отличны от сегодняшнего осознания риска событий со значительными последствиями. Такого рода риск – результат нарастающего процесса глобализации; еще полвека назад человечество не испытывало подобной угрозы.

Этот риск представляет собой оборотную сторону современности (modernity), и он (или сопоставимые с ним факторы риска) никуда не денется, пока существует современность с ее стремительными социальными и технологическими переменами, вызывающими совершенно непредвиденные последствия. Риск событий со значительными последствиями обладает особым качеством. Чем более пагубны возможные последствия, тем меньше у нас представления о том, чем мы рискуем; ибо если что-то "пойдет не так", то будет "уже слишком поздно". Некоторые бедствия, например, авария в Чернобыле, дают нам представление о том, что могло бы случиться. Как и в большинстве подобных случаев, среди экспертов нет полного согласия в вопросе о том, каким может быть долгосрочное воздействие возникшей в результате аварии радиации на население стран, подвергшихся радиоактивному заражению. Общепринято считать, что это увеличило риск определенного типа заболеваний в будущем и, конечно, имело разрушительные послед-

ствия для людей в Советском Союзе, непосредственно пострадавших от аварии. Но оценки возможных результатов большего ядерного бедствия неизбежно окажутся гаданием на основе сопоставления противоречивых фактов (если не случится ядерного конфликта даже относительно небольшого масштаба).

Попытки оценить риск событий со значительными последствиями должны также отличаться и от попыток оценить риск событий с регулярно наблюдаемыми и контролируруемыми результатами, хотя интерпретации этих наблюдений надо постоянно пересматривать и обновлять в свете новых теорий и новой информации. Утверждение, что оценка риска – занятие само по себе рискованное, нигде не подкрепляется лучше, чем в области риска со значительными последствиями. Общеупотребимый метод расчета риска аварий атомных реакторов – построение дерева ошибок. Дерево ошибок получается путем перечисления всех известных ошибок, ведущих к аварии реактора, затем выделяются возможные ошибки, ведущие к этим первым ошибкам, и так далее. Предполагаемый конечный результат – совершенно точное определение риска. Этот метод применялся в исследованиях безопасности реакторов в Соединенных Штатах и в ряде европейских стран. Но и этот метод оставляет нечто неопределяемое (Slovic and Fischhoff, 1980). Невозможно достоверно подсчитать вероятность человеческой ошибки или саботажа. А чернобыльская авария была результатом именно человеческой ошибки, как до этого и пожар на одной из крупнейших в мире атомных станций в Браун Ферри в Соединенных Штатах. Пожар начался из-за того, что техник использовал свечу для проверки утечки воздуха, что было явным нарушением установленных правил. Некоторые ошибки, ведущие к потенциальной аварии, могут остаться вообще незамеченными. Во многих случаях, связанных с меньшим риском, их не принимали во внимание, а в случаях риска событий со значительными последствиями угроза возникновения этих событий иногда выявлялась только задним числом, в результате пересмотра данных и предположений. Так произошло с исследованием, проведенным американской Национальной академией наук с целью определить риск нарушения снабжения продуктами питания в случае обмена ядерными ударами определенной интенсивности. Группа экспертов, проводивших гипотетическое исследование, сделала заключение, что уменьшение озонного слоя в результате этого обмена не будет угрозой для ресурсов питания выживших, так как многие культуры, которые выживут при повышенном ультрафиолетовом излучении в атмосфере, можно будет культивировать и дальше. Никто из экспертов, однако, не заметил, что при повышенном уровне радиации будет практически невозможно работать в поле, чтобы выращивать этот урожай (Boffey, 1975).

Риск событий со значительными последствиями – это только одна, особая сторона общего "климата риска", свойственного поздней современности, которая характеризуется регулярными сдвигами в познаниях, опосредованных экспертными системами. Как отмечает И.Рабинович, "в один день мы слышим об опасности ртути и бежим выбрасывать с полка банки тунца; на другой день продуктом, которого следует избегать, может стать масло, считавшееся нашими дедами воплощением здоровой пищи; потом мы соскребаем свинцовую крас-

ку со стен. Сегодня опасность кроется в фосфатах, содержащихся в нашем любимом стиральном порошке; завтра нам указывают на опасность инсектицидов, которые еще несколько лет назад превозносились как средство, спасающее миллионы людей от голода и болезней. Опасность смерти, помешательства и – что страшнее всего – рака кроется во всем, что мы едим и к чему притрагиваемся" (Rabinowitch, 1972). Это было написано около двадцати лет тому назад. С тех пор в тунце были найдены признаки еще большего количества загрязняющих веществ, подверглись гонению некоторые виды моющих средств, считавшиеся в начале 70-х годов безопасными, но в то же время некоторые врачи сегодня говорят, что гораздо полезнее есть масло, чем маргарин с пониженным содержанием жиров, который раньше широко рекламировался как более предпочтительный.

Речь не о том, повторю еще раз, что повседневная жизнь стала более рискованной, чем раньше. Скорее дело в том, что в условиях современности как для обывателей, так и для экспертов-специалистов в какой-либо области мыслить в понятиях риска и оценки риска стало более или менее постоянным занятием, отчасти даже незаметным. Не следует забывать, что все мы – обыватели в отношении к огромному множеству экспертных систем, внедряющихся в нашу повседневную деятельность. Распространение специализации сопровождается развитием современных институтов, а дальнейшее сужение областей специализации представляется неизбежным итогом технического прогресса. Чем более узкой становится специализация, тем более ограниченной оказывается область, в которой тот или иной индивид может претендовать на право быть экспертом; в других сферах жизни он будет находиться в той же ситуации, что и любой другой. Даже в тех сферах, где существует согласие между экспертами, благодаря изменчивой, развивающейся природе современного знания воздействие "просачивающихся" сведений на непрофессиональное мышление и практику оказывается довольно непростым и неоднозначным. Атмосфера риска в современную эпоху, таким образом, становится тревожной для всех без исключения.

ЗАИГРЫВАНИЕ С РИСКОМ

Безусловно, есть разница между добровольно выбираемым риском и риском, как бы встроенным в заданную структуру социальной жизни или модели образа жизни, которым привержен индивид. Институционализированная атмосфера риска обеспечивает некоторые условия, в рамках которых индивиды могут выбирать – рисковать или нет ограниченными ресурсами, в том числе и своей жизнью, как, скажем, в некоторых видах спорта или иной подобной деятельности. И все же различие между риском, на который идут добровольно, и риском, которому индивид подвергается помимо своей воли, зачастую расплывчато и не всегда четко соответствует различию между институционализированной и неинституционализированной (внешней) средой риска. Неотъемлемые от современной экономики факторы риска, как уже отмечалось, влияют практически на каждого, независимо от того, участвует ли индивид в экономической деятельности непосредственно. Другими примерами могут служить езда на автомобиле и курение. В

большинстве случаев езда на автомобиле – добровольное занятие; но есть ситуации, когда налагаемые образом жизни обязательства или другие условности делают использование автомобиля близким к необходимости. Можно начать курить добровольно, но стоит к этому привыкнуть, и курение приобретает принудительный характер, как и употребление алкоголя (Urquhart and Neilman, 1984, p.45).

Активный выбор определенных видов риска – важная составная атмосферы риска. Некоторые аспекты или виды риска ценны уже сами по себе: возбуждение от быстрой и опасной езды напоминает волнение, доставляемое определенными институционализированными видами рискованной деятельности. Начиная курить и осознавая при этом риск курения для здоровья, индивид тем самым демонстрирует определенную браваду, которую находит психологически выигрешной. В той степени, в которой это так, подобного рода действия могут истолковываться как параметры "культивируемого риска" (о чем речь пойдет ниже). Но в большинстве случаев пассивное восприятие большими группами людей опасностей, связанных с такими действиями, как езда на автомобиле и курение, должно интерпретироваться в других понятиях. Обычно даются интерпретации двух видов. Согласно первой, крупные корпорации и другие могущественные организации стовариваются сообща вводить в заблуждение людей относительно истинной степени риска или используют рекламу и другие методы обработки публики, чтобы уверить людей в том, что значительная часть населения так или иначе следует этим рискованным привычкам. Второй вариант интерпретации предполагает, что большинство обывателей не чувствительно к индивидуально распределенному или растянутому во времени риску, хотя они зачастую активно реагируют на массовые бедствия или на более "очевидный" риск. Оба объяснения уделяют значительное внимание иррациональным элементам действия, но ни одно из них не представляется особенно убедительным, хотя оба, несомненно, указывают на важные факторы. Основные, значимые для объяснений доводы, вероятно, берут начало в определенных характеристиках образа жизни с его привычками и в способе жизненного планирования. Поскольку обычно особого рода деятельность сопряжена с целостной совокупностью присущих образу жизни привычек, индивиды не всегда или, пожалуй, даже, как правило, не оценивают риск как совершенно отдельную проблему. В процессе жизненного планирования учитывается, скорее, сразу вся совокупность рисков, а не подсчитываются по отдельности последствия определенных аспектов рискованного поведения. Другими словами, при следовании данному стилю жизни определенные виды риска допустимы в "приемлемых границах" как часть целостной совокупности рисков.

Неотъемлемой частью жизненного планирования индивида является стремление колонизировать будущее для себя. Как и в случае с коллективным будущим, [индивидуальное будущее] может быть успешно завоевано лишь отчасти, и степень овладения им зависит от различных причуд в оценке риска. Каждый индивид составляет для себя набор оценок риска, которые могут быть более или менее ясно артикулированы, построены на основе хорошей информированности и "открыты". Но возможно и обратное, когда [эти оценки], в основном, делаются по

инерции. Мышление в понятиях риска становится более или менее неизбежным, и многие люди начинают также понимать и то, чем они рискуют, *отказываясь* от подобного стиля мышления, даже если они предпочтут его игнорировать. В насыщенной рефлексией атмосфере поздней современности жить на "автопилоте" становится все труднее и все менее возможным оказывается сохранение какого-либо определенного стиля жизни, сколь бы прочно он ни был защищен от всепроникающей атмосферы риска.

Следует понять это правильно. Оценка риска по большей части происходит на уровне практического сознания, и, как будет показано ниже, защитный кокон основополагающего доверия не пропускает большую часть событий, вторгающихся в жизнь индивида и потенциально способных нарушить равновесие. Чувствовать себя в мире "свободно" – весьма проблематично в эпоху поздней современности, когда система "попечительства" и разделенной с другими "общей судьбы" представляет собой, в основном, результат рефлексии. Но эта "судьба" зачастую формирует условия, в которых онтологическая безопасность поддерживается относительно легко, по крайней мере, на определенных стадиях жизни индивида.

РИСК, ДОВЕРИЕ И ЗАЩИТНЫЙ КОКОН

Мир "нормальных проявлений", как я уже отмечал выше, есть нечто большее, чем просто взаимно поддерживаемая демонстрация взаимодействий, разыгрываемых индивидами друг для друга. Жизнь как "нормальную" и "предсказуемую" как раз и конституирует рутинная практика индивидов, пространственно-временные пути следования которых пересекаются между собой в контексте повседневной жизни. Нормальность как тонкий узор вплетается в ткань социальной деятельности: это в равной мере относится как к телу, так и к артикуляциям намерений и планов индивида. Индивид должен существовать во плоти, чтобы вообще существовать (Goffman, 1972, p.166), а плоть – телесное "Я" индивида – должна быть постоянно охраняема и укрепляема как в текучести повседневных ситуаций, так и в жизненных планах, простирающихся в пространстве и времени. Тело в некотором смысле постоянно находится под угрозой риска. Вероятность телесного повреждения повсеместна, даже в самых обычных обстоятельствах. Дом, например, – это опасное место: доля серьезных увечий, полученных в результате несчастных случаев в домашней обстановке, весьма велика. "Тело, – по изящному выражению Гофмана, – это очень важная единица снаряжения, владелец которого постоянно пускает его в ход" (Goffman, 1972, p.167).

Как я уже говорил, элементарное доверие является основополагающим фактором для взаимосвязи между повседневной рутинной и нормальными проявлениями. В обстановке повседневной жизни элементарное доверие выражается как "вынесение за скобки" возможных событий или проблем, которые при определенных обстоятельствах могут стать причиной для беспокойства. Видимость поступков и сущности других людей обычно воспринимается как реальные поступки и сущность. Но возьмем, к примеру, мир шпиона, которому интересы самосохранения не позволяют воспринимать совокупность нормальных

проявлений так, как это обычно делают все остальные. Шпион исключает часть обобщенного доверия, которое обычно воплощается в "вещах как они есть", и страдает от мучительных предположений, какими еще могли бы быть обыденные события. У обычного человека то, что кто-то ошибся номером, может вызвать лишь легкое раздражение; но для секретного агента это может стать настораживающим знаком и вызвать тревогу.

Чувство телесной и психической непринужденности в обыденной обстановке повседневной жизни, как уже отмечалось выше, достигается лишь в результате большого усилия. Если в контексте наших действий мы по большей части кажемся менее уязвимыми, чем мы есть на самом деле, то это происходит в результате длительного обучения тому, как избежать потенциальных опасностей или блокировать их. Простейшим действиям, таким, как идти, не падая, избегать столкновений с предметами, переходить дорогу или пользоваться ножом и вилок, нужно было учиться в обстановке, которая изначально изобиловала роковыми моментами. "Бессобытийный" характер большей части повседневной жизни является результатом отработанной бдительности, приобретенной длительным обучением, и имеет решающее значение для защитного кокона, на создание которого направлены все упорядоченные действия.

Эти феномены можно эффективно проанализировать с помощью использованного Гофманом понятия *Umwelt** – сердцевины (совершенной) обыденности, которой окружают себя индивиды и группы (Goffman, 1971, p.252ff). Это понятие берет начало в исследованиях поведения животных. Животные сохраняют чувствительность к физическому окружению, фиксируют исходящие от него опасности. Сфера этой чувствительности различна у разных особей. Некоторые виды животных способны ощущать звуки, запахи и передвижения за несколько миль, тогда как у других животных *Umwelt* более ограничен.

У людей *Umwelt* охватывает больше, чем просто непосредственное физическое окружение. Он простирается на неопределенные расстояния в пространстве и во времени и соответствует системе релевантностей (воспользуемся здесь понятием Шюца), которая оформляет жизнь индивида. Индивиды с более или менее постоянной бдительностью воспринимают сигналы, соотносящие сиюминутные действия с пространственно отдаленными от них людьми или представляющими для них интерес событиями и с жизненными планами различной временной протяженности. *Umwelt* – это "перемещающийся" мир обыденности, который индивид несет за собой от ситуации к ситуации, хотя это искусство зависит и от других людей, участвующих в подтверждении этого мира или его воспроизводстве. Индивид создает "движущуюся ударную волну соответствия", которая упорядочивает непредвиденные события, соотнося их с риском и потенциальными опасностями. Перемещение во времени и пространстве – физическая мобильность тела, переходящего от одной обстановки к другой, – является концентрированным выражением сопричастности индивида физическим свойствам [социальных] контекстов, но опасности, от них исходящие, соотно-

* окружающий мир, среда (нем.). – Прим. пер.

сятся с другими, более рассредоточенными источниками угрозы. В условиях современной мировой системы Umwelt включает также и осознание риска событий со значительными последствиями, представляющих опасность, от которой полностью не застрахован никто.

В обстановке современности, которую почти покинула *фортуна*, индивид обычно подразделяет Umwelt на спланированные и случайные события. Случайное образует непрерывный фон для релевантных переднего плана. Из этого материала индивид творит связный поток действий. Это разделение позволяет человеку также "вынести за скобки" множество актуальных и потенциальных событий, относя их к области, которую все еще нужно держать под наблюдением, но уже с меньшей осторожностью. Отсюда следует вывод: каждый человек в ситуации взаимодействия полагает, что большая часть из того, что он делает, безразлична для других (хотя в публичном присутствии и безразличие должно регулироваться в форме кодексов гражданского невнимания).

В отличие от параноика обычный человек, таким образом, способен поверить, что роковые для его жизни моменты – это еще не сам рок. Удача – вот что нужно человеку, намеревающемуся предпринять рискованное действие; но удача имеет и более широкое значение, она выступает и как средство сопряжения случайного и рокового (в форме везения или невезения). Поскольку на практике порой трудно провести различие между случайным и неслучайным, то может возникнуть серьезная напряженность, когда события или действия "неправильно истолковываются" (например, если событие, влияющее на другое событие, воспринято как преднамеренное, хотя оно таковым не было, или наоборот). Обнаружение умысла (преднамеренности) очень легко может стать причиной для тревоги: муж склонен заподозрить жену в неверности, когда обнаруживает, что ее на первый взгляд случайная встреча с бывшим любовником была на самом деле менее случайной, чем казалось. Предположение обобщенного доверия, включающее и признание случайности происшествий, имеет отношение как к будущим ожиданиям, так и к истолковываемому пониманию в настоящем. В большинстве случаев индивид полагает, что другие участники взаимодействия не станут в будущем использовать свое нынешнее отношение к нему как основание для недоброжелательных действий. Однако будущее использование ситуаций настоящего – всегда область потенциальной уязвимости.

Защитный кокон – это *покров доверия, благодаря которому возможно поддержание устойчивого Umwelt'a*. Этот субстрат доверия является и условием, и результатом рутинизации "бессобытийного" мира – универсумом актуальных и возможных событий, рамками которых ограничена нынешняя деятельность индивида, а также его планы на будущее, для которых большая часть текущих событий "не существенна", с точки зрения данного индивида. Доверие в этом случае соединяет в себе актуальные и потенциальные события физического мира, а также взаимодействие и деятельность в социальной жизни. Существование в обстановке, определяемой современными социальными институтами, в которой риск признается в таковом качестве, создает некоторые специфические трудности для обобщенного переноса доверия на "игнори-

руемые возможности" – возможности, выносимые за скобки, как не имеющие отношения к самоидентичности и устремлениям индивида. Психологическая безопасность, которую могут обеспечить представления о судьбе, по большей части исключается, как и персонализация природных явлений в виде духов, демонов или других существ. Постоянное конституирующее вторжение абстрактных систем в повседневную жизнь опять же создает проблемы, воздействуя на связь между обобщенным доверием и Umwelt'ом.

Чем больше индивид в современных социальных условиях стремится рефлексивно выработать свою самоидентичность, тем больше он понимает, что будущие результаты формирует текущая деятельность. Поскольку с представлениями о фортуне полностью покончено, оценка риска – или соотношения риска и возможностей – становится средоточием процесса колонизации индивидом сферы будущего. И все же психологически важной частью защитного кокона является отклонение тех бедственных последствий, которые предполагает мышление в понятиях риска. Если профилирование риска является важной особенностью современности, то понимание соотношения вероятностей реализации различных целей или осуществления событий – одно из средств этого профилирования. То, что могло бы "не заладиться", может быть отброшено в сторону на том основании, что это слишком невероятно, чтобы быть принятым во внимание. Путешествие по воздуху обычно считается (по различным критериям) наиболее безопасным видом передвижения. Риск погибнуть в авиакатастрофе на обычной коммерческой авиалинии составляет примерно один к 850 000: эта цифра получена делением общего числа пассажирских рейсов за данный период времени на количество жертв авиакатастроф за тот же период (Ugqh-art and Neilmann, 1984, p.45). Иногда утверждают, что кресло авиалайнера, находящегося на высоте пяти миль, – самое безопасное место в мире, если учесть количество несчастных случаев дома, на работе или в другой обстановке. Однако многие все еще боятся летать, а некоторые, даже имея средства и возможности путешествовать по воздуху, вообще отказываются пользоваться самолетами. Они не могут выбросить из головы мысли о том, что произойдет, если что-то все же "не заладится".

Любопытно, что некоторые из этих людей охотно путешествуют по земле, не испытывая особых опасений, хотя наверняка знают, что на дорогах риск получить серьезные увечия или погибнуть гораздо выше, чем в воздухе. Видимо, особый вес здесь имеет разница самих происшествий; какими бы страшными ни были дорожные аварии, они, наоборот, не вызывают такого ужаса, как авиакатастрофы.

Отсрочка во времени и отдаленность в пространстве также являются факторами, уменьшающими беспокойство, которое в противном случае вызывает осознание риска как риска. Молодой человек крепкого здоровья может вполне понимать опасность курения, но относить его потенциальный вред к невероятно отдаленному, как ему кажется, будущему – когда ему будет, например, сорок – и таким образом успешно отделяться от этой опасности. Риск, далекий от повседневного контекста жизни индивида – такой, как риск со значительными последствиями, – также может быть вынесен за скобки Umwelt'a. Ина-

че говоря, связанные с таким риском опасности кажутся человеку слишком далекими от его собственных дел, чтобы серьезно задумываться об их возможности.

И все же представления о судьбе не исчезают совсем и продолжают обнаруживать себя в непростых сочетаниях с мирскими взглядами на типы риска и с фаталистическими установками. Например, понятие *фортуны* неожиданно возникает как вера в предустановленную природу вещей – это значительное явление, связанное с некоторыми основными характеристиками современности как таковой. Провиденциалистские толкования истории были главными элементами культуры Просвещения, и не удивительно, что их остатки еще встречаются в способах мышления, свойственных повседневной жизни. Отношение к риску событий со значительными последствиями, видимо, зачастую сохраняет глубокий отпечаток провиденциалистского мировоззрения. Пусть мы живем в апокалиптическом мире, перед лицом глобальных опасностей, но все же индивид верит, что правительства, ученые или технические специалисты предпримут необходимые меры, чтобы противостоять этим опасностям. Или же он надеется, что "все в конце концов образуется".

Вместе с тем, подобные установки могут снова перейти в фатализм. Фаталистический этос – один из возможных ответов на мирскую культуру риска. Есть такие виды риска, с которыми мы все сталкиваемся, но не можем с ними справиться индивидуально – и, пожалуй, даже коллективно. Все, что происходит в жизни, как мог бы заявить приверженец такой установки, в конечном счете – дело случая. Поэтому мы могли бы с тем же успехом считать, что "чему быть, того не миновать", и предоставить делам идти своим чередом. При всем том трудно оставаться фаталистом во всех сферах жизни, учитывая то давление, которое понуждает нас принять активную, новаторскую установку в отношении наших личных и коллективных обстоятельств. Фатализм в специфических условиях риска часто перерождается в еще более универсальные установки, которые я в другом месте назвал "прагматическим одобрением" и "циничным пессимизмом". Первая из них – это установка обобщенной стойкости (что делается, то и хорошо), а вторая отгоняет беспокойство с помощью черного юмора (Giddens, 1991).

Множество неожиданных-негаданных событий могут прорвать защитный покров онтологической безопасности и создать угрозы самого разного вида – от объявления о четырехминутной готовности к наступлению Армагеддона до поскальзывания на пресловутой банановой кожуре. Угрозы могут принимать форму симптомов телесных недомоганий или физических недостатков, они могут порождаться предчувствием провала или уже произошедшим крушением планов, или неожиданными событиями, вторгающимися в *Umwelt*. Наиболее критическими для индивида являются, однако, ситуации, когда угрозы совпадают со значимыми изменениями. Такие ситуации называются роковыми моментами. В роковые моменты индивид готов признать, что он сталкивается с новым раскладом риска и возможностей. В этих условиях он призван усомниться в своих устоявшихся привычках, даже если они прочно интегрированы в его самоидентичности. Здесь могут

быть приняты различные стратегии. Человек может (неважно почему) просто продолжать придерживаться установленных способов поведения, вероятно решив игнорировать вопрос о том, соответствуют они требованиям новой ситуации или нет. Однако иногда это сделать невозможно: например, если человек развелся, он уже не может продолжать жить так, как он жил в браке. Многие роковые моменты по самой своей природе вынуждают индивида менять привычки и пересматривать планы.

Роковые моменты не только внезапно "настают". Иногда индивиды добровольно ищут и культивируют их. Институционализируемая сфера риска, а также более индивидуализированная деятельность, связанная с риском, составляют основную категорию условий, которые активны способствуют созданию роковых моментов (Smith, 1981). Такие ситуации дают возможность проявить смелость, находчивость, умение и прилежание. Здесь люди достаточно хорошо осознают риск, связанный с тем, что они делают, чтобы использовать его для создания недостающих в обыденной обстановке критических ситуаций. Большинство сфер институционального риска, включая и сектор экономики, представляют собой арену борьбы: пространства, где принятие риска противопоставляет индивидов друг другу или препятствиям физического мира. Борьба требует своевременных и целеустремленных действий, таких, какие не требуются в ситуациях "чистой случайности", например в лотерее. Переживания, связанные с принятием риска, зависят от добровольной подверженности неопределенности, контрастно выделяющего эти действия из обыденности повседневной жизни. Острые ощущения можно найти, идя на риск высшего порядка, косвенно – в зрелищном спорте, или в таких занятиях, где реальная степень риска для жизни и здоровья мала, но где воспроизводятся опасные ситуации (например, катание на американских горках). Возбуждение от рискованных действий, как считает М.Бейлинт, предполагает несколько четко различимых установок: осознание подверженности опасности, добровольное принятие этой опасности и более или менее уверенное ожидание преодоления опасности (Balint, 1959). В парках аттракционов имитируется множество ситуаций, создающих острые ощущения, но вполне контролируемым способом, исключаящим два ключевых элемента: активную роль индивида и обстоятельства неопределенности, требующие его сноровки и позволяющие ее проявить.

Гофман отмечает, что человек, сильно предрасположенный к осознанному принятию риска, как заядлый картежник, способен различить возможности для игры случая в обстановке, которую остальные считали бы обыденной и неинтересной. Можно добавить, что, подмечая эти особенности, мы выискиваем возможности для создания новых способов деятельности в знакомой среде. Ибо там, где обнаружена или создана случайность, ситуации, казавшиеся до этого "закрытыми" или predeterminedными, снова представляются "открытыми". Культивируемый риск здесь совпадает с некоторыми основополагающими установками, присущими современности. Способность нарушать устои, открывать новые пути и таким образом колонизировать участок неизведанного будущего является неотъемлемой частью тревожного характера современности.

Я думаю, можно сказать, что осознанное принятие риска – это "эксперимент на доверие" (в смысле элементарного доверия), который имеет важные последствия для самоидентичности человека. Можно переопределить "уверенное ожидание" Бейлинга как "веру" – веру в то, что опасности, сознательно навлекаемые на себя, будут преодолены. Индивид справляется с ними – это акт самоутверждения и демонстрации, себе и другим, что он может выстоять в трудных условиях. Страх порождает волнение, но он же и преобразуется в господство. Волнение осознанного принятия риска питается тем "мужеством быть", которое характерно для раннего периода социализации. Мужество демонстрируется осознанным принятием риска именно как качество, подвергаемое испытанию: индивид идет на проверку цельности своей личности, показывая способность встретить наихудший исход рискованной ситуации, и безоглядно пробивается вперед, даже если препятствий и не существует. Тяга к острым ощущениям, или – более трезво – к ощущению власти, которое достигается сознательным противостоянием опасности, несомненно, отчасти происходит из контраста с обыденностью. Но кроме того, она также получает психологическую подпитку и от контраста с неясным и отсроченным вознаграждением, которое появляется в результате других столкновений с риском. При осознанном принятии риска столкновение с опасностью и ее преодоление взаимосвязаны в единой деятельности, тогда как в других, не менее важных условиях отдача от выбранной стратегии поведения может оставаться незаметной долгое время.

РИСК, ДОВЕРИЕ И АБСТРАКТНЫЕ СИСТЕМЫ

Абстрактные системы современности создают обширные сферы относительной безопасности для непрерывного течения повседневной жизни. Как уже отмечалось выше, мышление в понятиях риска явно имеет свои тревожные аспекты, но в то же время оно является средством поиска стабильного исхода, способом колонизации будущего. Более или менее постоянные, глубокие и стремительные изменения, характерные для современных институтов, в совокупности со структурированной рефлексивностью ведут к тому, что на уровне повседневной практики, как и на уровне философского толкования, ничто нельзя принимать как само собой разумеющееся. То, что считается приемлемым, уместным, предпочтительным поведением сегодня, может быть иначе расценено завтра, в свете изменившихся обстоятельств или привнесенных знаний. И все же, если рассматривать большинство повседневных дел, то действия успешно рутинизируются, будучи некоторым образом соединены в пространстве и времени.

Рассмотрим некоторые примеры. Деньги в современных условиях – это абстрактная система невероятной сложности, наипервейший образец символической системы, соединяющей поистине глобальные процессы с насущными мелочами повседневной жизни. В развитых обществах денежная экономика помогает стабилизировать обеспечение многих повседневных нужд даже самых бедных слоев (несмотря на то что многие сделки, в том числе и чисто экономические, заключаются не в денежном выражении). Деньги связаны со многими другими абстрактными системами как на глобальном уровне, так и в ло-

кальных экономиках. Существование организованного денежного обмена делает возможными регулируемые контакты и обмен "на удалении" (во времени и в пространстве), от которых и зависит указанное переплетение глобальных и локальных воздействий. В совокупности с не менее сложным разделением труда денежная система делает обыденным обеспечение товарами и услугами, необходимыми для повседневной жизни. Набор товаров и продуктов, доступных среднему человеку, становится не только гораздо более разнообразным по сравнению с досовременными экономиками, но и доступ к ним уже не определяется столь непосредственно особенностями времени и места. Сезонные продукты питания, например, можно купить теперь в любое время года, так же как и те продукты, которые вообще не производятся в данной местности или регионе.

Это и есть колонизация времени, равно как и упорядочивание пространства, поскольку для индивидуального потребителя забота об обеспечении в будущем делается ненужной. Фактически становятся бесполезными большие запасы продуктов (хотя кое-кто и может их делать, предвидя бедствия и катастрофы) для обычного течения жизни в современной экономике, функционирующей достаточно энергично. Накопление запасов увеличило бы издержки, поскольку оно связывает средства, которые можно было бы употребить в других целях. Такое накопление в любом случае может быть не более, чем краткосрочной стратегией, если индивид не обеспечивает себя продуктами постоянно. До тех пор, пока человек испытывает доверие к денежной системе и разделению труда, они предоставляют ему большую безопасность и предсказуемость, чем этого можно было бы достичь другими средствами.

В качестве другого примера можно привести обеспечение электроэнергией, теплом, канализацию и водопровод. Эти системы и опыт, на котором они основаны, способствуют стабилизации повседневной обстановки и одновременно, так же как и деньги, существенно трансформируют ее, по сравнению с досовременным образом жизни. В развитых странах для большинства населения, чтобы получить воду, достаточно просто отвернуть кран; обогрев и освещение жилища – тоже под рукой, как и канализация. Организованная подача воды по трубопроводам существенно уменьшила одну из величайших неопределенностей, омрачавших жизнь во многих досовременных обществах – нерегулярность водоснабжения (Melbin, 1987). Легкодоступная вода в доме сделала возможными новые стандарты личной гигиены, которые сыграли главную роль в улучшении здоровья. Постоянно текущая по водопроводу вода необходима также и для системы канализации и, таким образом, опять же для улучшения здоровья. Точно так же и электричество, газ и постоянное снабжение твердым топливом помогают регулировать стандарты физического комфорта и обеспечивают энергию для приготовления пищи и пользования бытовыми приборами. Все эти системы стабилизировали характер деятельности внутри и вне дома. Электрический свет позволил колонизировать ночь (Dubos, 1980). В домашней среде распорядок обыденной жизни регулируется в основном потребностью в регулярном сне, нежели сменой дня и ночи, которая может быть преодолена без особой трудности. Вне дома все

увеличивается число организаций, работающих двадцать четыре часа в сутки.

Техническое вторжение в природу является условием развития абстрактных систем наподобие вышеупомянутых, но, конечно, оно влияет и на многие другие аспекты современной социальной жизни. "Социализация природы" способствовала стабилизации множества ранее случайных или непредсказуемых воздействий на человеческое поведение. Стремление осуществлять контроль над природой было весьма значительным в досовременную эпоху, особенно в обширных аграрных государствах, где обычной практикой являлись ирригация, вырубка леса и другие способы приспособления природы для нужд человека. Как заметил Дюбо, к началу современного периода Европа уже представляла собой в основном социализированную среду, созданную из первозданных лесов и болот многими поколениями крестьян (Dubos, 1980).

Однако за последние два или три века завоевание природы человеком еще более расширилось; оно больше не ограничивается определенными областями или регионами, но, подобно другим аспектам современности, глобализировалось. Многие аспекты социальной деятельности стали более безопасными в результате этого развития. Например, намного упростились путешествия в результате появления современных дорог, поездов, пароходов и самолетов. Как и в случае со многими другими абстрактными системами, невероятные изменения в характере и масштабах путешествий были связаны с инновациями. И теперь любой достаточно обеспеченный человек как ни в чем ни бывало отправляется в путешествие, на которое лет двести назад отважился бы лишь самый бесстрашный человек, и оно заняло бы гораздо больше времени.

Действительно, многие стороны современной повседневной жизни отличаются большей безопасностью, однако за это преимущество приходится серьезно расплачиваться. Абстрактные системы основываются на доверии, но они не доставляют морального удовлетворения, как, например, персонализированное доверие или присущий традиционной среде моральный порядок, в соответствии с которым протекала повседневная жизнь. Более того, повсеместное проникновение абстрактных систем в повседневную жизнь создает такой риск, которому индивид не в силах противостоять; риск событий со значительными последствиями – из этой категории. Большая взаимозависимость, охватывающая и глобально независимые системы, означает и большую уязвимость в случае возникновения непредвиденных обстоятельств, воздействующих на эти системы в целом. Это относится и ко всем упомянутым выше примерам. Принадлежащие человеку деньги, сколь ни мала их сумма, подвержены превратностям глобальной экономики, с которыми даже самые могущественные государства едва ли могут справиться. Национальная денежная система может полностью развалиться, как это случилось в 20-е годы в Германии; при определенных обстоятельствах, которые в данный момент мы вообще не способны предвидеть, это может, вероятно, произойти и с глобальной денежной системой и иметь самые губительные последствия для миллиардов людей. Продолжительная утечка или другие неполадки с цен-

трализованными системами водоснабжения имеют иногда гораздо более разрушительные результаты, чем те, которые вызывались периодической нехваткой воды в досовременный период; точно так же и продолжительная нехватка энергии нарушает обычный ход деятельности огромного числа людей.

Социализация природы дает много наглядных и существенных иллюстраций изменения характера риска. Б.МакКиббен весьма убедительно доказывает: вторжение людей в мир природы оказалось столь глубоким и столь универсальным, что сегодня мы можем говорить о "конце природы" (McKibben, 1989). Социализованная природа очень отличается от прежней естественной окружающей среды, существовавшей отдельно от человека и его деятельности и образовывавшей для них относительно неизменный фон. "Поскольку акцентируются такие моменты, которые мы считаем [сугубо] природными процессами (такими же, как дождь, ветер, жара), то в этом отношении социализованная природа сходна с прежней, но только она не дает никаких утешений – чувства ухода от мира людей, ощущения постоянства и даже вечности" (McKibben, 1989, p.96).

Природа в старом смысле слова, подчеркивает МакКиббен, была совершенно непредсказуема: ураганы налетали без предупреждения, холодное лето приводило к гибели посевов, а в результате неожиданных ливней возникали опустошительные наводнения. Современная техника и опыт сделали возможным более успешный мониторинг погодных условий, а улучшившееся управление природной средой позволило справиться со многими непредвиденными опасностями, подстерегавшими людей еще с прежних времен; во всяком случае, стало возможно минимизировать их воздействие. Однако во многих фундаментальных аспектах социализованная природа куда менее надежна, чем "старая природа", потому что мы не можем быть уверены, как будет функционировать новый природный порядок. Возьмем, например, гипотезу о глобальном потеплении. Если это в действительности случится, результат будет катастрофическим во всем мире. МакКиббен делает вывод, что имеющиеся данные подтверждают гипотезу о существовании "парникового эффекта" и, по существу, доказывает, что идущие здесь процессы зашли слишком далеко, чтобы им можно было эффективно противодействовать в обозримом будущем. Возможно, он прав. Ключевая проблема состоит в том, что никто (во всяком случае, в настоящее время) не может с уверенностью сказать, что этого *не* происходит. Опасности, связанные с глобальным потеплением, – это риск события со значительными последствиями. Мы сталкиваемся с ним коллективно, но точные оценки риска здесь фактически невозможны.

БЕЗОПАСНОСТЬ, ДЕКВАЛИФИКАЦИЯ И АБСТРАКТНЫЕ СИСТЕМЫ

Абстрактные системы деквалифицируют [индивида] – не только на рабочем месте, но повсюду, во всех областях социальной жизни, которые они затрагивают. Деквалификация повседневной жизни – феномен отчуждения и фрагментации применительно к Я. Это отчуждение, ибо вторжение абстрактных систем, в особенности экспертизы, во все аспекты повседневной жизни подрывает существовавшие прежде

формы локального контроля. В большинстве досовременных обществ жизнь была куда более строго локализована, и все индивиды развивали множество навыков и типов "локального знания" (в том смысле, как об этом говорит Герц), релевантного для их обыденной жизни. Повседневное выживание зависело от интегрирования таких навыков в практические способы организации деятельности в рамках контекстов локального сообщества и физической окружающей среды. Однако экспансия абстрактных систем приводит к тому, что условия повседневной жизни трансформируются и образуют сочетания в рамках гораздо более протяженных отрезков пространства и времени; это отторжение [от локальных контекстов] суть процесс, приводящий к потерям. Однако было бы неправильно рассматривать данные потери как переход власти от одних индивидов или групп к другим. Власть действительно переходит таким образом, но не исключительно. Например, развитие профессиональной медицины привело к "отсеиванию" знания и лечебных навыков, которыми прежде владели многие непосвященные. Доктора и многие другие типы профессиональных экспертов извлекают власть из притязаний на знание, воплощающих в себе коды их практики. Однако, поскольку специализация, внутренне присущая экспертизе, означает, что все эксперты большую часть времени сами выступают в качестве профанов, появление абстрактных систем устанавливает такие способы социального влияния, которые уже никто не контролирует непосредственно. Именно этот феномен и лежит в основе риска событий со значительными последствиями.

Брэйверман ошибался, предполагая, что в сфере труда происходит однонаправленный процесс деквалификации. На рабочем месте постоянно создаются новые навыки, в том числе и теми, кто оказывается лишенным прежних навыков в своей деятельности. Нечто сходное имеет место и во многих других областях социальной деятельности, где дало себя почувствовать влияние абстрактных систем. Новое присвоение знания и контроль над некоторой частью непосвященных действующих лиц – это один из важнейших аспектов того, что я когда-то назвал "диалектикой контроля". Какие бы навыки и формы знания ни потеряли непосвященные, все равно они остаются умелыми и компетентными в тех контекстах, где протекает их деятельность и которые, до известной степени, непрерывно воспроизводятся этой деятельностью. Таким образом, повседневные умения и компетенция находятся в диалектической связи с экспроприацией, [совершаемой по отношению к индивидам] абстрактными системами: само воздействие таких систем на повседневное существование [индивидов] испытывает постоянное преобразующее влияние этих умений и компетенций.

Здесь предполагается не столько даже новое присвоение, сколько (в определенных ситуациях и контекстах) *обретение власти* (empowerment). Экспансия абстрактных систем в совокупности с отторжением все больше увеличивает могущество человеческих существ в области изменения материального мира и преобразования условий своих собственных действий. Происшедшее обретение подобной власти обеспечивает такие широкие возможности, каких не было в прежние исторические эпохи. Обретение подобной власти является и индивидуальным, и коллективным, хотя отношения между двумя этими уровнями часто

запутаны и на уровне повседневной жизни в них трудно разобраться как аналитику, так и профану.

Избыток абстрактных систем прямо связан с широкими возможностями выбора, с которыми индивид сталкивается в своей повседневной деятельности. С одной стороны, часто приходится выбирать между локальным или профанным способом поведения и процедурами, которые предлагаются абстрактными системами. Это не просто столкновение "традиционного" и современного, хотя такая ситуация тоже является достаточно распространенной. С другой стороны, в результате процессов нового присвоения [власти] открывается бесчисленное множество пространств, располагающихся между профанными верой и практикой и сферой абстрактных систем. В любой данной ситуации (если, конечно, имеются все необходимые условия, в т.ч. и ресурсы времени) у индивида есть возможность для частичного или более полноценного обретения новых навыков, необходимых для специфических решений или меняющегося характера деятельности.

[...]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ВЛАСТЬ, ЭКСПЕРТИЗА И РИСК

Выше было отмечено, что никто не может полностью избежать воздействия абстрактных систем современности: это одно из условий существования в мире риска событий со значительными последствиями. Хотя, конечно, различные жизненные стили и их фрагменты могут быть приспособлены для лавирования между различными возможностями, предоставляемыми этим миром, перестроившимся под влиянием абстрактных систем. Доверие может сосредотачиваться в некоторых или нескольких системах, которые изо дня в день или спорадически вторгаются в жизнь индивида. Весьма трудно, если вообще возможно, полностью устранить от современной денежной системы. Однако индивид может сделать для себя выбор: хранить ли свое (какое бы то ни было) имущество в форме товаров или личной собственности; и он может быть в минимальной степени связан с банками и другими финансовыми организациями. Всевозможные оттенки скептицизма и сомнений можно примирить с прагматическим или фаталистическим отношением к влияющим на жизненные шансы абстрактным системам.

Некоторые люди принимают такие решения относительно образа жизни, которые отодвигают их назад, к более традиционным ценностям. Религиозный фундаментализм, например, дает ясный ответ, что делать в наше время, не признающее высших авторитетов: эти высшие авторитеты могут быть вновь вызваны к жизни обращением к вековым религиозным традициям. Чем более "замыкающимся в себе" является данный религиозный порядок, тем в большей мере он "разрешает" проблему, как жить в мире, где существует возможность выбора. Более слабые формы религиозной веры, однако, тоже могут обеспечить значительную поддержку в принятии важных жизненных решений.

Большинство этих проблем обостряется или переживается с особой силой в особые моменты жизни индивида. Поскольку роковые моменты по определению имеют весьма значительные последствия, в эти периоды индивид чувствует себя на перепутье в смысле общих жизнен-

ных планов, поэтому именно в роковые моменты человек может выбрать возврат к более традиционным авторитетам. Он также может искать спасения в предустановленных верованиях и в уже знакомых способах поведения. Вместе с тем, роковые моменты также обозначают периоды приобретения новых навыков и полномочий. Это периоды, когда независимо от того, насколько осознанно индивид формирует свою самоидентичность, он должен внимательно следить за новыми требованиями и новыми возможностями. В такие моменты, когда на жизнь надо посмотреть новым взглядом, неудивительно, что усилия по приобретению новых навыков становятся особенно важными и что они активно предпринимаются. Поскольку затрагиваются значимые решения, индивиды зачастую вынуждены тратить время и силы для усиления своего господства над обстоятельствами, в которых они оказываются. Роковые моменты – это переходные моменты, последствия которых имеют ключевое значение не просто для будущей манеры поведения индивида, но для его самоидентичности. Ибо значимые решения, однажды принятые, перестраивают рефлексивный процесс самоидентификации, воздействуя на образ жизни индивида.

Поэтому неудивительно, что сегодня в роковые моменты индивиды сталкиваются с экспертными системами, которые сконцентрированы на реконструкции самоидентичности, т.е. консультировании или терапии. Решение начать лечение может привести к наделению полномочиями [другого]. В то же время такое решение по своей природе не отличается от других касающихся образа жизни решений, принимаемых в условиях одновременности. Какой вид лечения следует избрать и на какой срок? Как показано в книге "Самолечение", вполне возможно эффективно переориентировать свою жизнь, не обращаясь за консультацией непосредственно к эксперту или профессионалу. Однако многие терапевты считают, что не может быть и надежды на действительное изменение без регулярного контакта с профессиональным консультантом. Сегодня имеются весьма разные способы лечения, каждый из которых претендует на разрешение сходных проблем. В качестве мерила уровня расхождений между различными школами мы можем сопоставить классический психоанализ и бихевиористскую терапию, основанную на обусловливании. Многие врачи остаются твердыми приверженцами положений психоанализа по Фрейду и назначают терапевтические процедуры в соответствии с ними. А некоторые сторонники бихевиористского лечения заявляют, что психоанализ лишен всяких оснований как метод лечения. Кроме того, существует еще и множество разновидностей психоанализа в совокупности с десятками школ, различающихся в теории и врачебной технике. Осознанное взаимодействие с экспертными системами, помогающими реконструировать личность, таким образом, отражает некоторые ключевые проблемы, порождаемые современностью.

ЛИТЕРАТУРА

- Китс Дж.** Стихотворения. Л.: Наука, 1986.
- Макнавелл Н.** Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982.
- Balint M.** Thrills and Regressions. London: Hogarth, 1959.
- Boffey P.M.** Nuclear War // Science, 1975, no.190.
- Brearely R.A. and Myers S.** Principles of Corporate Finance. New York: McGraw-Hill, 1981.
- Dubos R.** The Wooing of Earth. London: Athlone, 1980.
- Firth R.** Suicide and Risk-Taking in Tikopia Society // Psychiatry, 1961, v.24.
- Giddens A.** The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Goffman E.** Interaction Ritual. London: Allen Lane, 1972.
- Goffman E.** Relations in Public. London: Allen Lane, 1971.
- Green L.** The Astrology of Fate. London: Allen and Unwin, 1984.
- Hzgerstrand T.** Time and Culture. In: G.Kirsch et al. (eds.). Time Preferences. Berlin: Wissenschaftszentrum, 1985.
- McKibben B.** The End of Nature. New York: Random House, 1989.
- Melbin M.** Night as Frontier. New York: Free Press, 1987.
- Moore P.G.** The Business of Risk. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Nowotny H.** Eigenzeit: Entstehung und Strukturierung eines Zeitgefьhls. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1989.
- Rabinowitch E.** Living Dangerously in the Age of Science // Bulletin of the Atomic Scientist, 1972, v.28.
- Slovic P. and Fischhoff B.** How Safe is Safe Enough? In: J.Downie and P.Lefrere (eds.). Risk and Chance. Milton Keynes: Open University Press, 1980.
- Smith C.W.** The Mind of the Market. Totowa: Rowman and Littlefield, 1981.
- Urquhart J. and Heilman K.** Risk Watch. New York: Facts on File, 1984.
- Weber M.** The Sociology of Religion. Boston: Beacon, 1963.
- Weiss J.M.A.** The Gamble with Death in Attempted Suicide // Psychiatry, 1957, v.20.